ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

МИР ПИСАТЕЛЯ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 9(251) – 2017

Собор нашей древней славы

Валерий МИХАЙЛОВ

Главы из новой книги "Заболоцкий", серия "ЖЗЛ"

В Караганде

В начале 1945 года лагерь строителей готовился к передислокации на новое место. Куда – никто из вольнонаёмных инженеров и техников толком не знал.

Заболоцкий, в глубине души, готовился совсем к другому. Он перечитал своё, шестилетней давности, начало перевода "Слова о полку Игореве" и не мог уже противиться воображению. Своих собственных стихов он будто бы не подпускал к себе и не раз заявлял жене: писать их больше не буду. На свободе решил заниматься лишь литературными переводами. Но древнейший памятник русской литературы был для него, разумеется, больше, чем обычный перевод. Слово неведомого поэта являлось изначальным *Словом* всей русской литературы, перед силой, яркостью и обаянием которого невозможно было устоять никаким внутренним запретам.

В январе Заболоцкий отправил Николаю Степанову телеграмму с просьбой прислать ему текст древнерусской поэмы.

20 января 1945 года он писал другу:

"Я очень сомневаюсь, что мне удастся поработать над окончанием перевода, но, во всяком случае, я хочу возобновить в голове памятник и припомнить ту концепцию, которая у меня сложилась в старые времена. То, что сделано, нуждается в большой обработке и переработке, и для окончания всей работы нужно ещё немало времени и подходящая обстановка, которой, конечно, нет".

Немного рассказал и о своём житье-бытье на Алтае – по его словам, скудном существовании:

"Семейные дела меня не очень радуют, хотя мы живём дружной семьёй. Кате, конечно, очень трудно в этих условиях. <…> Никита – способный, но малограмотный мальчик – следствие ненормальных занятий, пропусков, переездов, болезни и пр. Кстати, я был бы тебе очень благодарен, если бы ты как-нибудь выслал мне бандеролью для Никиты учебник истории древнего мира для 5 класса и для того же класса учебный географический атлас. Я знаю, что это хлопотливое дело – искать книги, специально этим и заниматься не надо, но при случае ты эти книжонки поимей в виду.

Грандиозное наступление наших войск в центре внимания каждого из нас; каждое утро мы отмечаем по картам новые победы, и под знаком их проходит весь день".

В студёные мартовские дни 1945 года эшелон строителей отправился к новому месту назначения – в Караганду. Как обычно, поезд подолгу держали на станциях: в первую очередь шли составы на фронт. Заболоцкие ехали с семьёй вольнонаёмного инженера Г.М. Зотова, товарища Николая Алексеевича по работе. Чугунную печку в теплушке топили круглые сутки, но без особого толку: стоял сильный мороз. Однажды загорелся деревянный пол под печкой, и пламя вместе с очагом пришлось заливать водой. Теплушка окончательно промёрзла…

Под Карагандой состав загнали на запасные пути. Жилья для новоприбывших ещё не было, и поначалу вольнонаёмные так и обитали в вагонах. Утром приезжал грузовик и забирал работников в управление, детей отвозили в школу на розвальнях. "Вскоре кончились выданные перед отъездом продукты, и семьи остались без еды, – пишет в своей книге Никита Заболоцкий. – Только на третий день Заболоцкий и Зотов получили в городе продовольствие, но разразился сильный снежный буран, занесло дорогу, машина проехать не могла, и к эшелону пришлось идти пешком. Зотов пишет: "Буран был настолько силён, что снег проник в карманы костюмов, несмотря на то, что верхняя одежда была застёгнута на все пуговицы. И вот, когда пришли в свой вагон, расположились на нарах, Николай Алексеевич сказал: "Да, человек – самое выносливое животное. Какой зверь в такой буран может делать такие переходы?"".

Вскоре семье Заболоцких отвели комнату в саманном домике в пригородном посёлке Большая Михайловка. Из нескольких широких досок и чурбачков Николай Алексеевич соорудил нечто вроде кровати, а из ящиков – подобие мебели. Печь топили местным углём. В этой комнатушке они и жили до осени, пока не получили комнату в коммуналке каменного дома на улице Ленина в центральной части Караганды – Новом городе.

Близ "третьей всесоюзной кочегарки" (во время оккупации Донбасса Кузбасс и Караганда обеспечивали страну углем), срочно возводился новый шахтёрский город Сарань. Там и работал Заболоцкий: поначалу техником-чертёжником, потом – исполняющим обязанности инженера, а осенью – уже начальником административно-хозяйственного отдела и, одновременно, начальником канцелярии управления. Его служебные нагрузки только возрастали: руководство ценило в нём аккуратность и добросовестность. Весь день поэт мечтал лишь об одном – добраться до дому и снова засесть за перевод. Сыну запомнилось, как усталый отец, на скорую руку перекусив, усаживался на самодельном лежбище, отгибал край одеяла и раскладывал на досках свои бумаги.

…В 1984 году карагандинский краевед Ю.Г. Попов спрашивал у вдовы поэта, не был ли Заболоцкий знаком в шахтёрском городе со знаменитым учёным А.Л. Чижевским и литературоведом Г.Л. Эйхлером, на что Екатерина Васильевна ответила: "День он был на работе, возвращался домой, садился за перевод "Слова о полку Игореве" и работал до глубокой ночи. По воскресениям, если отрывался от перевода, то по необходимости ехал в Сарань, где была посажена картошка. И там он встречал только сотрудников".

Хотелось Заболоцкому что-то заработать для семьи помимо оклада жалованья. И он обратился с письмом на имя председателя Союза писателей Казахстана, предлагая свои силы для переводов из казахской поэзии. Как вспоминала Е.В. Заболоцкая в одном из писем к Ю.Г. Попову (от 9 ноября 1983 г.), "ответ на это письмо получен не был, что Николай Алексеевич воспринял болезненно".

Лучше всего об этом времени рассказал сам поэт – в письме к другу, Н.Л. Степанову, от 20 июня 1945 года:

"Дорогой Коля!

На днях я закончил черновую редакцию перевода "Слова о полку Игореве". Теперь, когда переписанная рукопись лежит передо мной, я понимаю, что я ещё только что вступил в преддверие большой и сложной работы. Я знаю, что я в силах проделать эту работу. Состояние моей рукописи убедило меня в этом. Но я сомневаюсь, что у меня хватит сил довести её до конца, если обстоятельства жизни моей не изменятся к лучшему. Можно ли урывками и по ночам, после утомительного дневного труда, сделать это большое дело? Не грех ли только последние остатки своих сил тратить на этот перевод – которому можно было бы и це-

лую жизнь посвятить и все свои интересы подчинить? А я даже стола не имею, где я мог бы разложить свои бумаги, и даже лампочки у меня нет, которая могла бы гореть всю ночь.

Сидишь целый день на работе, копируешь чертежи и страстно ждёшь той минуты, когда сможешь вернуться домой и взяться за перо. Но вот приходит она – эта минута. Пройдёшь по жаре 3 километра, с книгой в руках поешь, берёшь перо и чувствуешь, что ты уже слаб, что отдых нужен, нет свежести в голове, мысль сонная, перо не идёт. А ты знаешь – какая это работа. Можно написать десяток вариантов на одно место – и ни один вариант не подойдёт. Так иногда доходишь до самоисступления, и, проклиная всё, засыпаешь. И на завтра – та же картина. Только по воскресеньям дело меняется, но сколько же нужно этих воскресений, боже мой?!".

Впрочем, никакие житейские препятствия уже не способны были его остановить. Как тьма до свету, так и проза до поэзии:

"Сейчас, когда я вошёл в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления, – стоит этот одинокий, ни на что не похожий собор нашей древней славы. Страшно, жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нём знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасен труд! Нет в нём этих сечений, всё в нём полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник. И как трогательно осыпались углы, сидят на них вороны, волки рыщут, а оно стоит – это загадочное здание, не зная равных себе, и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская.

Есть в классической латыни литые, звенящие, как металл, строки; но что они в сравнении с этими страстными, невероятно образными, благородными древнерусскими формулами, которые разом западают в душу и навсегда остаются в ней! Читаешь это слово и думаешь: – Какое счастье, боже мой, быть русским человеком! (здесь и далее курсив мой, – *В.М.*)

Мой перевод – дело, конечно, спорное, так как, будучи рифмованным и тоническим, он не может быть точным и, конечно, внесёт некоторую модернизацию.

Здесь чутьё и мера должны сыграть свою роль. Я счёл бы задачу решённой, если бы привнесённые мной черты не противоречили общему стилю, а современный стих звучал достаточно крепко, без "переводной" вялости и жвачки.

Это сделать тяжело.

Всё, мой дорогой. <…>".

Через две недели, 4 июля, Заболоцкий сообщил Степанову, что перевод в основном готов. Поэт почти заново переписал то, что было сделано семь лет назад, оставив нетронутыми чуть более трети из трёх сотен строк, и перевёл остальную часть текста поэмы. Теперь он подробно раскрыл свой замысел:

"Моей первой целью было: дать полноценную поэму, которая, сохраняя в себе всю силу подлинника, звучала как поэма сегодняшнего дня – без всяких скидок, предосталяемых переводу. И часто, читая самому себе свою поэму, я мысленно говорю вам, мои друзья: "Дайте мне на пару часов Колонный Зал, и я покажу Вам, как может сегодня звучать "Слово о полку Игореве!".

Вторая моя цель была: как можно меньше отступлений от оригинала. Я сделал всё, что было в моих силах, поскольку это можно было сделать для тонического рифмованного стиха.

Сейчас ещё есть ряд недоработанных мест, но они доработаются к концу лета.

Итак – я пошёл по наиболее скомпрометированному пути: по пути Минаева-отца и Гербеля, и пошёл по этому пути потому, что, несмотря на их неудачи, всё же их путь был правилен. Надо было решить основной вопрос: стихи это или не стихи? Для XII века это было тем, что для нас является стихами. Это несомненно.

<…> Наша поэзия целиком подчинена тоническому принципу, и никакая разрушительная работа поэтов нашего века не могла поколебать тоническую стихию. Может быть, она и умрёт когда-нибудь (когда изменятся основы прекрасного в музыке), но сейчас она полна сил, имеет все возможности развиваться далее и будет жить долго. Поэтому я, не колеблясь, встал на точку зрения целесообразности тонического перевода, а встав на этот путь, без колебания принял и рифму, так как точки над і необходимы. И не раскаиваюсь.

Работа была очень трудной, но я считаю её в основном удачной. <…>

Но я люблю "Слово" и, ложась спать, вижу его во сне. Я рад, что на 43-м году жизни мне удалось пережить его в себе самом, и я с нетерпением ожидаю отпуска, чтобы ещё раз как можно глубже погрузиться в него – на прощанье".

Получив в середине июля отпуск в управлении, Заболоцкий в доме отдыха на станции Аккуль завершил отделку перевода.

Лики одиночества

Иза КРЕСИКОВА

Имея всю жизнь широкий круг общения, я давно заметила и поняла, что только сторонние свидетели дней и лет какого-то знакомого человека говорят с печалью о его одинокой жизни, но за его спиной, или чаще – после его смерти. Быть может, бедное его сознание даже не знало, что такое тоска одиночества. Или он был горд и закрыт. Но скорее всего ему не дано было выразить такое трудно выразимое чувство – чувство одиночества. Потому что не было у него равноценных слов, потому что нет их, вероятно, вообще. Понятие "одиночество" трудно вмещается в слова.

К тому же любой человек, великий и маленький, никогда никем не может быть во всей своей особенности понят, разгадан, предугадан, расчислен, объективирован. Никто не прост, каждый – неожидан. Каждый – тайна, сказал Достоевский. Эта тайна есть его одинокое "Я", сокрытое в нём, страдающее, дерзающее, творящее и часто непонятное ему самому. А что уж говорить о тех, кто соприкасается лишь с телесной оболочкой этого "Я", а духовное составляющее недоступно!

Мы, поражённые поздними открытиями, проникаем чуть-чуть глубже в бездны Одиночества великих творцов нашего неодиночества: как одинок внутри себя, оказывается, был Лев Толстой. Одинок и неисповедим внутри себя, несмотря на бесконечные романные исповеди, был и Достоевский. Как печально, горько одинок внутри себя был Чехов! Не потому ли так одиноки и страдальны почти все персонажи в его пьесах?

Они, великие творцы, растворяли тайное одиночество в своих книгах, отдавали его своим героям. А эти вовсе не героические герои избавляли от одиночества нас: мы жили их жизнью, сопереживали, надеялись, добрели, преображались и даже совершали поступки.

А Пушкин? Легко ли сказать самому себе "Ты царь: живи один". Как подумать так, когда всё, всё в тебе одном: и труд, и суд, и свободный ум?! Внутри, неразделённые, непонятые… Особенно в последние годы.

Когда-то, в девяностые, я всё же написала, что:

Абсолютного одиночества не бывает,
потому что в нас обитают двое:
Душа и Разум, разговаривая между собою.

И совсем недавно обнаружила у современника Пушкина, поэта Виктора Теплякова, благословлённого на поэтический путь Пушкиным, но ныне почти забытого, такие строки в большом стихотворении "Одиночество":

Меж тем как он кипит, мой одинокий ум!
Как сердце сирое,
облившись кровью, рвётся,
Когда душа моя, средь вихря горьких дум,
Над их мучительно-завидной долей вьётся!

Ум, сердце, душа – все эти понятия сцеплены внутренней связью. Абсолютного одиночества не бывает. Ум кипит. Он подчинит себе сердце и душу. Они вместе разрушат Одиночество. Разрушат ли? Как противоречиво Одиночество! И что такое эта невидимая Душа? Мы относим к этому понятию мир чувствований, ощущений. А их незримость, но действительную сущность может объяснить более или менее "вразумительно" только Ум. В конце концов – все эти незримые сущности человеческие располагается в нашем "кибере", и заправляют деяниями человека вместе. И если человек по природе своей не мыслитель, не умеет получить единый результат деятельности "кибера" – он более всего и всех одинок. А вместе с тем и не понимает этого, и никто не слышит его жалоб. Вот как сложно понятие Одиночества.

Тютчев в блистательной надменной Европе задыхался от любви к России и женщинам своей судьбы. Он так много знал, так много видел и пережил! И то, что переполняло его, воплощалось в бессмертные строки, а ему этого было мало, и он всё повторял:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
……
Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей.

Значит там, в глубине его мира, скрывалось ни с кем не разделённое, не разделимое Одиночество поэта? Но в душе ведь целый мир! – но невысказанный! Недоступный для высказанности или недоступный для понимания высказанного!

Вот в чём страдание Одиночества!

А Лермонтов вручил нам, далёким, своё Одиночество, выплеснув его в стих сокровенный и просторный, как пространство русской земли с её тысячелетней неразгаданностью тоски:

Выхожу один я на дорогу.
Предо мной кремнистый путь блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу
И звезда с звездою говорит.

Пустыня внемлет Богу, пустыня внемлет юному поэту, пустыня… и так до конца жизни, несмотря на университет, кадетский корпус, любовь, Кавказ, распри… Наконец, пустыня – смерть.

Замечательный мастер восточных сказов, наш современник Тимур Зульфикаров в одной из своих последних притч (опубликованных в "Литературной газете") говорит, что "Смерть – это вершина одиночества, Эверест", но – он обращается к каждому – "ты ведь был в Вечности, пока матерь и отец твои не взяли тебя оттуда, – и вот ты возвращаешься в Вечность… Смерти нет!". Да, да, наверное, при таком раскладе смерти нет. Но человек остается на Эвересте, на вершине Одиночества. Навсегда. Это его суровая судьба. Это философия смерти.

А есть и вот такая философия Одиночества в жизни: "Кто не любит Одиночества – тот не любит свободы, ибо лишь в Одиночестве можно быть свободным". Это заявил своенравный, строптивый индивидуалист – Шопенгауэр – в середине XIX века. Ему ничего не оставалось, как сказать такое: его философию не поняли, но он был горд и ждал своего часа. Дождался. Но как прекрасно на земле Одиночество, когда оно – наш бездонный мир, запрятанный внутри нас, – наполнено мыслями, созерцанием, их столкновением и изливается во внешний мир "Опытами" Монтеня, "Самопознанием" Бердяева, "Опавшими листьями" Розанова. Или строками Беллы Ахмадулиной, когда ее друзья отправляются на зульфикаровский Эверест:

О одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным…

Как много противоречивых ощущений Одиночества должно заключаться внутри чуткого сознания, чтобы теряя близких, как Белла, всё ж "ощутить сиротство как блаженство"! Одиночество – как блаженство. Одиночество – как счастье… Это тоже Эверест. Но я бы сказала – чистый воздух Одиночества. Для того, чтобы ощущать Одиночество, как блаженство, нужно быть очень независимым и чистым перед миром и собой – спокойно свободным внутри себя – как Белла. Это счастье. Невозможно забыть признания Виктора Астафьева, подолгу живущего один на один с далёкой сибирской Овсянкой, что он испытывает там "отравляющую сладость одиночества". Деревня стала знаменитой, но от этого не стала ближе к кипучим городам. Отравляющую сладость Одиночества может испытывать человек, наполненный смыслом бытия и умеющий этот смысл выразить именно в условиях сладости Одиночества.

Бердяев же, связывая своё постоянное чувство Одиночества с глубоким осознанием несовершенства, зла, греховности мира, утверждает, что "переживание одиночества и тоски не делает человека счастливым". Но и он противоречив, да ещё как! И кажется, всю жизнь был всё-таки счастлив в своей противоречивости. Вот он заявляет о себе, одиноком: "Я феодал, сидящий в своём замке с поднятым мостом и отстреливающийся"! Ничего себе одиночество! Это же сражение. Так оно и было.

Он сражался один против всех вокруг себя. И такое бывает одиночество.

Недавно скончавшийся талантливый режиссер кино Михаил Калатозишвили, создавший фильм "Дикое поле" как метафору одиночества, сказал на страницах "Литературной газеты", что он при этом не подразумевал несчастья человека, что человек призван быть одиноким, и тогда он ищет, как и чем украсить своё одиночество. Я продолжу его мысль: человек уходит в созидание. Если не достигает он открытий в науке, не создаёт чудес искусства, он творит свою одинокую жизнь, а затем пишет дневники и воспоминания о себе и своей эпохе. Всё же великая сила – одиночество творца! Когда-то я написала, что у Одиночества два лика: лик Вдохновения и лик Смерти. Смерти не обязательно физической, и тогда – когда нет Вдохновения. К чему бы то ни было: к стихам, прозе, дружбе, любви или просто к размышлениям о жизни, или к сотворению жизни во всей её обыденности. Что же такое – Вдохновение? Пушкин сказал, что оно "…есть расположение души к быстрому соображению понятий… Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии". К соображению! Как в геометрии! Оставьте думать, что это наитие с небес!

На "башне" у Вячеслава Иванова, вероятно, объединялись Вдохновением русские Одиночества Серебряного начала двадцатого века. И Блок читал "Незнакомку" – символ женского одиночества и – его… О блоковском одиночестве последних лет следует написать подробней, заглянуть в него глубже.

А Иннокентий Анненский?! Одинокая фигура над когортой серебряных имен и, быть может, самая серебряная… Тютчев сомневался в том, что можно высказать себя, но Анненский писал, что "мы славим поэта не за то, что он сказал, а за то, что он дал нам почувствовать невысказанное". Но что может быть ясней таких его строчек:

Скоро полночь. Никто и ничей.
Утомлен самим призраком жизни
Я любуюсь на дымы лучей
Там, в моей обманувшей отчизне.

"Никто и ничей". Посреди друзей, родных, учеников. Одиночество было внутри, а не снаружи. Его рукой водило Вдохновение тоски и Одиночества, но не спасло однажды на вершине тоски. На вершине тоски одиночества погибла Цветаева. Она всегда была одинока посреди своих страстей и романтических любовей, и одинокость сгущалась до накалённой её мыслью тьмы в зарубежье, рядом с мужем и детьми. Она делила своё Одиночество только со Временем. Она погружалась в него чудными письмами и уникальными, цветаевскими, стихами. Письма и стихи – её прибежище в жизни. Прибежище её Одиночества. Трагический пик его в них.

Существования котловиною
Задавленная, в столбняке глушизн,
Погребённая заживо под лавиною
Дней – как каторгу, избываю жизнь.

И ещё – неожиданная мысль: какая одинокость в сущности была – удивляйтесь! – в Зинаиде Гиппиус, рядом с Мережковским! Эту одинокость одевала она в экстравагантность своих одежд и своего поведения. Непонятая никем одинокость прорывалась в стихи, где тоже пряталась за интеллектуальностью, непримиримостью, бескопромиссностью…

Однообразно и пустынно,
Однообразием сильна,
Проходит жизнь… И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Это не о конкретной любви, это об Одинокой любви-символе её загадочной натуры.

Вообще редко, очень редко мне вспоминается русский поэт или писатель, который бы не был объят Одиночеством в отстранённом от него мире, продлевая свою одинокую жизнь только пером, гусиным, стальным или шариковым. Так было. Теперь – не знаю.

Появились писатели и писательницы "крутые", расчётливые, приспосабливающиеся к чему угодно и из чего угодно извлекающие выгоду дохода, популярности и довольства собой. Святого Одиночества они не знают. Да оно им и не по плечу.

А я скажу несколько слов во славу тайного, вдохновенного, счастливо-несчастливого Одиночества. Всё-таки оно такой трудный, но – движитель нашего бытия. Так будем же любить своё, запрятанное внутри нас это счастье-несчастье Одиночества. Не будем корить его. Будем ему потакать. Наши сердце, душа и ум будут его воспитывать. И воздастся нам, я так думаю, сполна во всей нашей быстротечности по дороге к обещанной Вечности. Истинно так.

Только это не всё! А трагедия великих Одиночеств – Король Лир, Гамлет, Дон Кихот?! Они есть и сейчас. Мы не знаем о них. Им невозможно дать советов. А Мышкин, Желтков, чеховский Иванов, гоголевский Башмачкин! И они живут среди нас. Как они переполнены невысказанной своей сущностью. Одиночество грызёт их изнутри, ищет выхода. И это тоже истинно так. Особенно трагичное одиночество у набоковского Цинцинната, маленького, физически слабого, который знает, видит, что он не такой, как все, и другим быть не может, и готов идти на казнь за это, терпеливо и обречённо сохраняя своё "я".

Но вспомню ещё раз противоречивого Николая Бердяева: "…я всегда вдохновлялся словами доктора Штокмана в ибсеновском "Враге народа": "Самый могущественный человек тот, кто стоит на жизненном пути одиноко"". Доктор Штокман, оставшись "один в поле воин" против лжи, пошлости и предательства большинства в своём городе, почувствовал силу борца, как Бердяев в своём "замке со рвами".

Одиночество слабых, Одиночество сильных... Они разные по напряжению духа, спрессованного где-то внутри них. Каким был Баратынский? Слабым его назвать нельзя. Он провидчески чуял, предполагал одиночество "последнего поэта" будущих "железных веков", поэта, до которого техногенному корыстному обществу не будет дела тогда, когда:

Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья
Промышленным заботам преданы...

Тревожный, предупреждающий голос поэта. Но поэзия сопротивляется, не исчезает – грубеет, ожесточается, топорщится. И поэты в наше свободное (с безобразием и бесстыдством свободы), беспощадное и непростительное время (непростительное по отношению к тем, кто обезобразил свободу) – по-разному рифмуют его. Потому что эта безобразная свобода разъединила, разобщила людей. В опасные времена недалёкого прошлого всё же был единый народ (спорь не спорь) с единым духом надежды. Одиночество блуждало в толпе и согревалось ею. Это не значит, что не было трагедий. Были, да ещё какие!

Что же ныне? Листаю страницы современной поэзии. Какие-то голоса плачутся, впадают в мрачную, одинокую, бессильную безнадёгу. Я даже услышала голос, предававший нашу драматическую действительность вместе с трагической родной страной анафеме, и это было страшно, и я убрала с глаз долой эти строки. Неужели таким будет последний поэт?!

...Одиночество обостряет чувства. Оно способствует прозрению и замечает главное. Это главное предстаёт в двух ипостасях: первая – это дружеское окружение с пониманием натуры одинокой личности и Времени, в котором она обитает, и вторая ипостась – творческое горение, превращающее тёмный лик Одиночества в лик просветлённый, наполненный живой плодотворной жизнью.

Елена БЕЗРУКОВА

Я всё равно уже знаю...

* * *

Протяжное сплетение корней,
Ветвей, и проводов, и рек, и бродов.
Я в бронхи мира вплетена, верней –
Я воздух в их подземных переходах.

Ещё не жизнь, а только кровоток.
Ещё не плод, но музыка над садом.
Услышь, как распускается листок,
Заранее пронизан листопадом!

Скрипичным вздохом, выпавшим из рук,
Замри в огромном небе и не сетуй:
Вот-вот смычок в тебя проденет звук
И понесёт на ниточке по свету.

* * *

Яблоко, подобранное в усадьбе Рахманинова,
С розовой кожей, оставшейся от зари,
Словно с передника накрахмаленного,
Из прошлого века – бери.

После зимы, шаги его помнящей,
Дремлющий плод рукавом потри,
Чтоб заблестел, словно жук беспомощный
В тёплой руке – смотри!

И через воздух, набрякший музыкой,
Будто бы летней грозой густой,
Я как во сне по карнизу узкому
Ринусь на голос твой.

Будто бы верю, что ты подаришь мне
Вечность в обмен на смерть.
И, разрываясь, летит, над клавишами,
Вечный Второй концерт.

И в самолете ночном над Родиной,
На небесах оставляя след,
Яблоко спит. А тихонько тронь его –
Кажется, гений придёт на свет.

* * *

Анатолию Кобенкову

Иногда мне хочется писать письма умершим людям.
Потому что поздно,
потому что больно, потому что пора.
В промежутке
между землёй холодной и небом лютым,
Между хрипом в груди и бессонницей до утра.

В электронной почте
ещё есть адрес, нажать "ответить" –
Может быть,
провода до сих пор ведут, как тогда вели,
В города любые, где имя то ещё носит ветер,
Обрывая с губ, вымаливая у земли.

Погоди-ка, вспомни –
метель и шум в деревянном доме,
Красный свитер,
трубка и смех в курительном закутке.
До свиданья,
некогда, и в мороз уйти – как в рассудок вдовий,
И бежать, бежать, и запутаться вдалеке.

Рукавами улиц ловить троллейбусную улитку.
Обернуться к свету, к лицу твоему, обернуться к лику.
Я ещё не готова сойти с ума в невесомый свет.
Не смотри в глаза, не давай руки, не пиши в ответ.

* * *

Длинную прядь наматывая на палец,
Реку холодную пересекая вброд,
В летнее солнце, слезы стирая, пялясь
И забывая, кто первым из нас умрёт,

Трогая ступнями пепел дороги длинной,
Лямку вернув на выжженное плечо,
Я оставалась вечной – читай: любимой,
И потому не думавшей ни о чём...

Свежезаваренным чаем слегка горчило,
Горький, зелёный лился в окно сад.
Я не хочу говорить, да и ты молчи, но
Не уходи, сядь...

Как она греет, медного солнца залежь
Где-то под сердцем – тайна, ни дать, ни взять!
Сколько мне жить осталось, ты знаешь, знаешь?
Я не хочу знать.

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года
Регистрационный № ПИ 77-7768
Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13
Тел. редакции: 8-499-246-53-11, 8-916-015-80-69
Наш сайт: denlit.ru
Электронный адрес: denlitera@yandex.ru
Газета отпечатана в ЗАО Красногорская типография, г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 10 000

Главный редактор Владимир БОНДАРЕНКО
Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА
Ответственный секретарь Алексей ШОРОХОВ

Творческие работы принимаются в электронном виде, не рецензируются.
О публикациях редакция сообщает.

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов 18 +

Подписано в печать 26.09. 2017 г. Заказ №